

Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98).
Political Linguistics. 2023. No 2 (98).

УДК 811.112.2'373.2:811.112.2'42
 ББК ШП43.24-51+ШП43.24-316
 doi: 10.26170/1999-2629_2023_02_10

ГСНТИ 16.21.47

Код ВАК 5.9.6

Марина Анатольевна Чигашева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Москва, Россия,
 mchigasheva@mail.ru, РИНЦ Author ID: 473963, <https://orcid.org/0000-0003-1423-5479>

Классификация реалий политического дискурса с позиции ономастики (на примере немецкого языка)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу немецкоязычных реалий профессионального политического дискурса с точки зрения ономастики. Имена собственные, обладая номинативной функцией, включают в свое значение культурные маркеры и пронизывают все сферы деятельности человека. Однако большинство исследований, посвященных реалиям, основывается на материале общеупотребительной лексики, без учета профессионального компонента. Основная цель данной работы предполагала комплексный анализ и систематизацию культурно маркированных лексических единиц на материале текстов публичных выступлений лидеров консервативных партий ФРГ. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: рассмотрен феномен реалий с позиции лингвокультурологического подхода, выявлены лексические единицы, обладающие национально-культурной и профессиональной спецификой; предложена ономастическая классификация реалий политического дискурса. При сборе и анализе практического материала использовались метод сплошной выборки, количественный метод, дискурсивный метод, социокультурный метод, полевый метод. В ходе исследования была уточнена дефиниция термина «реалия» применительно к профессиональному дискурсу и отобрано 525 единиц. Анализ практического материала позволил систематизировать реалии по следующим классам (в порядке количества выявленных единиц): топонимы, политонимы, антропонимы, официонимы, геортонимы, документонимы, этнонимы, эргонимы, гемеронимы и деонимы. Рассмотрение реалий с точки зрения семантики допускает включение в упомянутые классы единиц, обладающих соответствующей ономической семой, не только дифференциальной, но и контекстуальной. Выбранные ораторами языковые средства соответствуют в целом основным характеристикам политического дискурса и отражают его прагматичность и институциональность. Описанные принципы анализа культурно маркированной лексики профессионального дискурса могут использоваться при изучении других его подвидов на материале разных языков, а привлечение результатов анализа дополнительного материала поможет уточнить предлагаемую классификацию.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: немецкий язык, имена собственные, политический дискурс, политические реалии, ономастика, ономастическая классификация.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Чигашева Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, ведущий кафедрой немецкого языка, МГИМО МИД России; 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76; email: mchigasheva@mail.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Чигашева, М. А. Классификация реалий политического дискурса с позиции ономастики (на примере немецкого языка) / М. А. Чигашева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 2 (98). — С. 91-103. — DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_10.*

Marina A. Chigasheva

MGIMO-University, Moscow, Russia, mchigasheva@mail.ru, RSCI Author ID: 473963, <https://orcid.org/0000-0003-1423-5479>

An Onomastic Classification of Political Discourse Culture-Bound Elements in German

ABSTRACT. *The article highlights the analysis of the culture-bound elements of German professional political media discourse from the point of view of onomastics. Performing a nominative function, proper names include cultural markers in their meaning and permeate all spheres of human activity. However, most of the studies devoted to culture-bound elements are based on the common lexis, without considering any professional component. The main objective of this study was a comprehensive analysis and systematization of culture-bound elements based on public speech texts by the leaders of conservative parties in Germany. To achieve this aim, the following problems were solved: the phenomenon of culture-bound elements was considered from the position of a linguoculturological approach, lexical units with nation-bound, culture-bound and profession-bound elements were identified; an onomastic classification of these elements in political media discourse is proposed. When collecting and analyzing practical material, the method of continuous sampling, the quantitative method, the discursive method, the sociocultural method, and the field method were used. As a part of the study, the term definition "culture-bound element" in relation to professional discourse was clarified and 525 units were selected. The practical material analysis made it possible to systematize the culture-bound elements into the following classes (in order of the identified units number): toponyms, polytonyms, anthroponyms, official names, geortonyms, documentonyms, ethnonyms, ergonyms, hemeronyms and deonyms. The detailed study of culture-bound elements from the semantic point of view allows including in the mentioned classes of units that have the corresponding onymic seme, not only differential, but also contextual one. The linguistic means chosen by the speakers generally correspond to the main characteristics of political media dis-*

© Чигашева М. А., 2023

course and reflect its pragmatism and institutional character. The described principles of analysis of the culture-bound elements in professional discourse can be used in the study of its other subvarieties on the material of different languages, and using the results of the additional material analysis will help clarify the suggested classification.

KEYWORDS: German language, proper names, political discourse, political culture-bound elements, onomastics, onomastic classification.

AUTHOR'S INFORMATION: Chigasheva Marina Anatol'evna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of the German Language, MGIMO-University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Chigasheva M. A. (2023). An Onomastic Classification of Political Discourse Culture-Bound Elements in German. In *Political Linguistics*. No 2 (98), pp. 91-103. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_10.

ВВЕДЕНИЕ

Известная библейская фраза «Вначале было слово» несет в себе глубокий филологический смысл, ее ключевой компонент λόγος (логос) в переводе с древнегреческого обозначает одновременно слово и его значение. С точки зрения лингвистики, эта фраза отражает единство денотата и сигнификата, подчеркивая особое значение слова. Именно в слове язык накапливает всю информацию, включая исторические, культурные и профессиональные маркеры, и именно слово сохраняет и передает эту информацию последующим поколениям. По этой причине словарный состав языка, и особенно лексика, обладающая национальной спецификой, дают богатый материал для лингвистического анализа.

В данной статье представлен анализ реалий немецкого языка, отражающих специфические понятия политического дискурса. **Актуальность** работы связана с необходимостью выявления и описания данных лексических единиц, поскольку в существующих словарях и справочниках, в том числе лингвострановедческого характера, отражена их незначительная часть. **Новизна** заключается в комплексном анализе реалий профессионального дискурса с позиции ономастики и семантики. **Объектом** исследования являются лексические единицы, имплицитно содержащие в своем значении специфическую, национально и профессионально окрашенную, информацию. **Материалом** послужили тексты публичных выступлений действующих политических деятелей ФРГ на традиционных для общественно-политической жизни этой страны мероприятиях — *Politischer Aschermittwoch* и *Deutschlandtag*, известных в российском дискурсе как «политическая пепельная среда» и «федеральный съезд молодежной организации ХДС/ХСС». Были проанализированы речи лидеров блока ХДС/ХСС (*die Union, CDU/CSU*) и его молодежного крыла «Молодежный союз ХДС/ХСС» (*Junge Union*): А. Меркель, А. Крамп-Карренбауер (ХДС); Х. Зеехофера, М. Зёдера (ХСС); П. Цимиака, Т. Кубана (Молодежный союз) за трехлетний период (2017, 2018, 2019 гг.). Данные меро-

приятия имеют ярко выраженный национальный колорит и отличаются отсутствием аналогов в российской действительности. Выбор материала исследования объясняется также спецификой профессиональной сферы деятельности автора.

Источником языкового материала стал видеохостинг *youtube.com*, где в открытом доступе размещены видеозаписи выступлений на упомянутых ранее мероприятиях. Общая длительность звучания речей составила 416 мин., объем составленных скриптов 6,53 а. л. Временные рамки были ограничены периодом 2017–2019 гг. по причинам экстралингвистического характера: предвыборная кампания и выборы в бундестаг (2017 г.), внутривыборный кризис блока ХДС/ХСС (2018 г.), предвыборная кампания и выборы в Европарламент (2018–2019 гг.), столетний юбилей «политической пепельной среды» и избирательного права женщин в Германии (2019 г.). В период пандемии собрания проводились в формате онлайн, не привлекли всеобщего внимания и не имели такого влияния на электорат, поэтому тексты данных выступлений не рассматриваются в нашем исследовании.

Основная **цель** заключалась в комплексном анализе и систематизации реалий современного немецкого языка в одном из подвидов профессионального дискурса. Исследование проводилось в русле антропоцентрической научной парадигмы с привлечением данных различных дисциплин: лексикологии, ономастики, семантики, политической лингвистики, дискурса, лингвокультурологии, социолингвистики, межкультурной коммуникации. Для сбора и анализа практического материала применялись следующие **методы**: метод сплошной выборки, количественный метод, дискурсивный метод, социокультурный метод, полевый метод.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Обзор исследований лексики с национально-культурным компонентом

Каждый язык в процессе своего развития накапливает специфическую информацию, отражающую особенности истории, быта, традиций и культуры той нации, в которой он

используется как средство коммуникации между членами языкового сообщества. Отношение между лингвистическим (собственно язык) и нелингвистическим (внешние факторы) всегда привлекало внимание исследователей. В. фон Гумбольдт считал, что «язык <...> связан с народным духом, и чем соразмернее этот последний действует на язык, тем закономернее и богаче его развитие» [Гумбольдт 1985: 324]. Э. Сепир отмечал, что язык не существует вне культуры, под которой он понимал социально унаследованную совокупность практических навыков и идей, характеризующих образ жизни [Сепир 1993: 185]. Н. Д. Арутюнова подчеркивала, что «язык формирует концепты и суждения <...>, участвует в совершении ритуалов, регулирует человеческие и социальные отношения, хранит историческую и культурную память народа» [Арутюнова 1988: 3]. Н. И. Толстой выделял два подхода при рассмотрении языка и культуры — как две части единого целого или как две самостоятельные части [Толстой 1995].

Попытки анализа лексики, имеющей в своем составе социокультурный компонент, приобрели систематический характер во второй половине XX в. Проводились исследования на материале русского языка как иностранного [Верещагин, Костомаров 1980, 1990; Брагина 1986; Морковкин 1990 и др.] и на материале западноевропейских языков [Халева 1989; Сафонова 1992; Тер-Минасова 2006, Томахин 1984, Witte 2000 и др.]. Особенности культурно маркированной лексики немецкого языка анализировали в своих работах Д. О. Добровольский [Добровольский 1997], А. И. Домашнев [Домашнев 2005], Н. Е. Меркиш [Меркиш 2020], Л. М. Сапожникова [Сапожникова 2015] и др. Культурный компонент в значении слова рассматривался с разных позиций: лингвострановедения, лексикографии, переводоведения. Отечественные ученые предлагали разные термины для обозначения данного феномена [см. подробнее: Сапожникова 2015: 176–177]. Несмотря на формальные различия, они считают культурный компонент значения областью семантики, ответственной «за накопление и хранение культурной информации», совокупностью «знаний, которые относятся к предмету или явлению, обозначаемому словом» [Верещагин, Костомаров 1980: 131; 1990]. По утверждению Г. Д. Томахиной, этот компонент «своеобразен, специфичен по своему происхождению и ограничен рамками определенной культурно-языковой общности» [Томахин 1984: 140–142].

При изучении лексики с национально-культурным компонентом основное внима-

ние исследователи уделяют реалиям, совершенно справедливо считая такие единицы носителями конкретных элементов национального своеобразия [Мосиенко 2005]. В переводе с латинского (от прил. *realis* — истинный, действительный, вещественный) это слово обозначает предмет, вещь или факт, процесс, явление, существующие в реальной жизни. Известные определения дают довольно общее представление о сути данного явления. В «Словаре русского языка» реалия определяется как «всякая вещь материального мира» [МАС 1983: 689]. «Словарь иностранных слов» включает еще одно значение: «объективные факты как исторический фон литературного или иного описания; этнические или национальные особенности, получившие отражение в данном языке, но не переводимые на другие (или переводимые только описательно)» [Комлев 2006]. В «Словаре лингвистических терминов» реалии рассматриваются как «предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова» [Розенталь, Теленкова 2001: 414]. В лингвокультурологии реалиями считаются слова или словосочетания, обозначающие предметы и явления, характерные для одной лингвокультуры и отсутствующие в другой [Меркиш 2020: 46]. Болгарские переводчики С. Влахов и С. Флорин называли такие слова знаками, «при помощи которых предметы — их референты — могут получать свое языковое обличье» [Влахов, Флорин 2009: 7]. О. С. Ахманова различала у слов-реалий два значения: факторы страны, истории и культуры народа с точки зрения их отражения в языке и предметы материальной культуры [Ахманова 2004]. На двоякий характер предметного содержания реалий указывал также Г. Д. Томахин: они тесно связаны, во-первых, с народом и страной, во-вторых, с определенным историческим периодом, что дает основание говорить об их национальном и историческом колорите [Томахин 1997: 13]. Для обозначения привычных для одной культуры и нетипичных для другой объектов, понятий или явлений помимо реалий употреблялись и другие термины: экзотическая лексика (А. Е. Супрун), варваризмы (А. А. Реформатский), этнокультурная лексика (Л. А. Шейман), алиенизмы (В. П. Берков).

Точка зрения зарубежных ученых совпадает с мнением отечественных исследователей. Так, немецкий лингвист В. Куц отмечает, что «реалии представляют собой языковое обличье специфических явлений общественной (экономической, политической и культурной) жизни языкового сообщества,

появившихся на определенном этапе его развития» [Kutz 1981: 109] (в оригинале: „...sprachliche Kodifizierungen der in einer bestimmten Phase gesellschaftlicher Entwicklung entstandenen spezifischen Erscheinungen des gesellschaftlichen (wirtschaftlichen, politischen, kulturell-geistigen) Lebens einer historisch gewachsenen Kommunikationsgesellschaft“ (перевод в тексте статьи. — М. Ч.)). Финский исследователь П. Куямяки относит сюда обозначение предметов материального мира, а также политических, институциональных, социальных и географических явлений [Kujamäki 2004: 920–925]. Австрийская славистка Э. Маркштайн называет реалиями элементы повседневной жизни, истории и культуры определенного народа, которые, в отличие от терминов, не подлежат точной дефиниции, добавляя при этом, что «реалии являются носителями идентичности национальной / этнической структуры, национальной / этнической культуры — в самом широком смысле — и относятся к стране, региону, континенту» [Markstein 1998: 288] (в оригинале: „Die Realien sind Identitätsträger eines nationalen/ethnischen Gebildes, einer nationalen/ethnischen Kultur – im weitesten Sinne – und werden einem Land, einer Region, einem Erdteil zugeordnet“ (перевод в тексте статьи. — М. Ч.)). Х. Витте считает реалии социальным явлением, которое в конкретной ситуации, по ее мнению, рассматривается как культурно маркированная специфика [Witte 2000: 99].

В переводоведении реалии обозначаются как *landeskonventionelle Elemente* [Koller 2020] или безэквивалентные единицы [Комиссаров 1999], так как они отражают «национальный и/или исторический колорит», свойственный одному языковому сообществу и чуждый другой нации [Иванов 2006: 155]. Пристальное внимание на реалии обращается именно в практике перевода [Koller 2020; Prunč 2002; Kujamäki 2004; Kadrić/Kaindl/Cooke 2012]. Однозначных способов передачи на другой язык такой лексики не существует, а учет прагматического аспекта при этом остается важным критерием качества перевода [Бархударов 2019: 127].

Таким образом, реалиями можно считать национально-специфические и культурно маркированные обозначения (в самом широком смысле слова), относящиеся к любой сфере жизни общества, в том числе к институциональной, примером которой является политический дискурс. В процессе межкультурной коммуникации необходимо учитывать «связь употребления таких единиц с социальными ценностями, опытом индивидуума и языкового сообщества, а также контек-

стом, в котором эта реалия употребляется» [Spitzmüller 2017: 17] (в оригинале: „...Verkoppelung von Sprachgebrauchsformen mit sozialen Werten, Personentypen, Praktiken und Kontexten“ (перевод в тексте статьи. — М. Ч.)). Аналогичной позиции придерживаются также В. Н. Телия [Телия 1996], А. Вежбицкая [Wierzbicka 2010], Ч. Фельдеш [Földes 2014].

Лексические единицы, обладающие национально-культурной спецификой, включены в лингвострановедческие словари [Куликов и др. 2001; Мальцева 2001; Маркина 2006 и др.]. Однако их обзор показывает, что такие источники содержат описание преимущественно реалий сферы культуры и быта или общеизвестных общественно-политических понятий, в то время как специфические единицы профессиональных дискурсов остаются без внимания. Обнаруженная лакуна стала предметом нашего исследования.

2. Классификации реалий

Несмотря на достаточную разработанность проблематики реалий, задача их классификации до сих пор не потеряла своей актуальности. В попытке систематизировать реалии иностранного происхождения по предметно-языковому принципу А. А. Реформатский выделял имена собственные, монеты, должности и обозначения лиц, детали костюма и украшения, кушанья и напитки, обращения и титулы при именах [Реформатский 2001]. В классификации русских национальных реалий Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова (на основе фоновой информации) насчитывается девять классов: слова традиционного и нового быта, фразеологические единицы, историзмы, советизмы, слова фольклора и народного творчества, антропонимы, топонимы, коннотативные слова [Верещагин, Костомаров 1980].

Распределять реалии на семантические группы по их предметной общности предложил А. Е. Супрун. Его классификация включает общественно-бытовые (жилище, предметы быта, одежда, традиции и т. п.), этнографические (названия родов и племен), мифологические (злые духи, сказочные персонажи), религиозные реалии и ономастику (имена и фамилии, географические названия) [Супрун 1971]. В. С. Виноградов, рассматривая лексику, содержащую фоновую информацию, с позиции переводоведения, подразделяет ее на бытовые, этнографические и мифологические реалии, реалии мира природы, государственно-административного устройства и общественной жизни, ономастические и ассоциативные реалии [Виноградов 2001].

В отечественной научной литературе, помимо уже названных, встречается описание еще нескольких классификаций слов-реалий, но чаще всего упоминаются две. Одна из них разработана С. Влаховым и С. Флориным, группировавшим реалии по следующему принципу: предметное деление, местное деление, временное деление [Влахов, Флорин 2009]. В первом случае они выделяли географические, этнографические и общественно-политические реалии. Во втором случае реалии рассматривались в плоскости одного языка или нескольких языков, в третьем — подразделялись на современные и исторические. Вторая известная классификация построена на анализе американизмов. Ее автор, Г. Д. Томахин, опираясь на тематические ассоциации, различал этнографические, географические, общественно-политические реалии, реалии системы образования и культуры [Томахин 1984]. Почти все последующие исследования реалий, в том числе профессиональных дискурсов, на материале разных языков опирались преимущественно на данную типологию [см., например: Коротаева 2016].

Анализируя существующие классификации реалий, Л. В. Мосиенко называет несколько принципов их построения: по денотативному признаку, по лингвистической природе, по принадлежности к лексико-семантической группе, по локальному признаку [Мосиенко 2005: 160]. Стоит также отметить, что упомянутые популярные классификации группируют единицы, содержащие национально-специфический компонент, преимущественно по тематическому принципу. Безусловно, лексика с явно выраженным национально-культурным компонентом передает реалии внешнего мира и отражает менталитет языкового сообщества. Общим в различных исследованиях признается также тот факт, что реалии выражены преимущественно именами существительными. Однако четких критериев дефиниции и классификации таких единиц, в частности, в рамках профессионального дискурса, в лингвистике не существует.

Вопрос классификации политической лексики отражен также в работах немецких лингвистов. Так, Т. Нир, вслед за В. Дикманном, признавая интердискурсивный характер политического дискурса, предлагает выделять четыре класса: институциональная лексика (для коммуникации между политиками и гражданами), экспертная лексика (для коммуникации между политиками), идеологическая лексика (для оказания воздействия на избирателей), общая лексика (остальной вокабуляр, который невозможно

однозначно отнести к предыдущим классам) [Nier 2014: 64–66]. Однако данный подход представляется нам чрезвычайно широким, не имеющим четких критериев разграничения, в том числе семантических, что затрудняет анализ практического материала.

3. Ономастическая классификация реалий политического дискурса

Попытка систематизировать выявленные реалии политического дискурса по тематическому принципу обнаружила ряд противоречий и вызвала много вопросов. Так, например, если по классификации С. Влахова и С. Флорина единицу *Deutschland* следует относить к географическим реалиям, то единица *die Bundesrepublik Deutschland* может относиться и к географическим (как обозначение административной территории), и к общественно-политическим реалиям (как наименование государства). И не будет ли та же самая единица в одном значении входить в группу исторических реалий, поскольку до 1990 г. она обозначала другое государство (ФРГ в отличие от ГДР)? В современном немецком языке объемы этих понятий не совпадают и содержат различную фоновую информацию. Этот же вопрос закономерно относится и к термину *Deutschland* — это единица класса географических или общественно-политических реалий? С позиций классификации Г. Д. Томахина, эту единицу можно включать в группу географических (как топоним) и общественно-политических (как сокращенное название от официального обозначения *die Bundesrepublik Deutschland*) реалий. И как рассматривать единицу *das Land*, которая, как показал контекстуальный анализ, может в одном значении выступать синонимом к термину *die Bundesrepublik Deutschland*, обозначая государственную общность, в другом — к термину *das Bundesland* (как обозначение административного региона ФРГ)? В соответствии с классификацией В. С. Виноградова ту же самую единицу можно отнести и к классу реалий государственно-административного устройства, и к классу ономастических реалий. По классификации Т. Нира эти единицы могут в равной степени входить в группы институциональной и общей лексики.

Рассмотренные ранее классификации, с нашей точки зрения, не учитывают всех особенностей функционирования слов в языке и не охватывают всей совокупности подобных наименований. Кроме того, они являются слишком общими и не всегда позволяют проводить четкое разграничение. Проведенный анализ отобранных реалий предполагает возможность их классификации по семантическому принципу (и в этом

случае предлагаемая классификация близка к идее А. Е. Супруна, но значительно расширяет ее). Целесообразным представляется также учет при систематизации реалий профессиональной сферы деятельности не только культурного компонента, но и профессиональных маркеров. К ним можно отнести указание на специфический род занятий и все, что с ним связано, например, названия организаций, объединений и должностей, имеющих отношение к политике или государственному устройству, причем не только термины, но и профессионализмы. Так, любое ведомство в немецком языке обозначается существительным *das Amt* или *das Ministerium* (*das Auswärtige Amt, das Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, das Finanzministerium, das Gesundheitsministerium*). Наряду с этими терминологическими наименованиями политики, государственные деятели и журналисты используют профессионализм *das Haus*. То же самое относится к обозначению германского парламента и любого официального учреждения. У данного существительного наблюдается наличие дифференциальной семы (обозначение официального учреждения, предназначенного для выполнения определенных задач). Отметим, что данная сема отмечена также в онлайн-версии ав-

торитетного словаря современного немецкого языка Duden [Duden-online].

Таким образом, единицы, содержащие в своем значении национально и профессионально окрашенные компоненты, выраженные именами существительными, обладают номинативной функцией, т. е. представляют собой онимы. Они призваны обозначать специфические предметы, понятия и явления реального мира в восприятии носителей языка и входят в общее ономастическое пространство, которое, по мнению А. В. Суперанской, является суммой имен собственных, «употребляющихся в языке данного народа для именования реальных <...> объектов. Оно определяется моделью мира, существующей в представлении этого народа в настоящее время» [Суперанская 2019: 9].

В нашем материале с привлечением метода сплошной выборки было выделено 525 слов-реалий, которые мы предлагаем систематизировать по следующим классам: *антропонимы; топонимы; этнонимы; политонимы; эргонимы; официонимы; документонимы; геортонимы; гемеронимы; деонимы*. Распределение реалий, выявленных в текстах выступлений политических деятелей блока ХДС/ХСС и Молодежного союза, по классам и количеству выявленных единиц представлено в таблице ниже.

Таблица 1

Класс		Количество единиц	Доля от общего количества реалий, %
<i>топонимы</i>	обозначение географических объектов	145	27,6 %
<i>политонимы</i>	обозначение специфических для политической сферы деятельности профессиональных и общественных объединений	121	23,0 %
<i>антропонимы</i>	имена и фамилии конкретных персоналий	108	20,5 %
<i>официонимы</i>	наименование должностей	79	15,0 %
<i>геортонимы</i>	обозначение праздников, важных исторических событий	22	4,2 %
<i>документонимы</i>	названия документов	21	4,0 %
<i>этнонимы</i>	наименование групп людей, объединенных по национальному или географическому принципу	15	2,9 %
<i>эргонимы</i>	наименование профессиональных объединений деловой (не политической) сферы деятельности	7	1,4 %
<i>гемеронимы</i>	наименование средств массовой информации	5	1,0 %
<i>деонимы</i>	апеллятивы, образованные от антропонимов	2	0,4 %
Всего:		525	100 %

Наиболее многочисленной группой в нашем материале оказались топонимы (145 ЛЕ). Их можно разделить на три большие группы: наименование межнациональных регионов (*Europa, Schengen*¹), других стран или городов (*das Vereinigte Königreich, Bulgarien, China, die Vereinigten Staaten, Russland, Washington, Brüssel*) и наименование объектов Германии (*Deutschland, Bayern, Mecklenburg-Vorpommern, NRW, Schleswig-Holstein, Freiburg, Berlin, Hamburg*). Возможна также более детальная классификация топонимов. Анализ собранного материала показал возможность выделить: хоронимы (наименования административных территорий — *die Bundesrepublik Deutschland, Bayern, Katalonien*), ойконимы (наименования населенных пунктов — *Brüssel, Passau, London*), урбанонимы (наименования внутригородских объектов — *Münchener Marienplatz, Görlitzer Platz*). Привлечение полевых методов позволяет включать в класс топонимов единицы, находящиеся на периферии данного микрополя. В их значении выделяется контекстуальная сема на основе ассоциаций, связанных с обозначаемым денотатом и возникающих в определенных ситуациях словоупотреблений: *Bindestrich-Bundesland* (обозначение федеральных земель, состоящих из двух компонентов, например, *Baden-Württemberg, Hambacher Wald* (символ борьбы экологов против угольной промышленности) и др.

Вторым по численности классом стали *политонимы* (121 ЛЕ), которые мы выделяем вслед за Н. В. Шимкевичем [Шимкевич 2019] и А. И. Едличко [Едличко 2017]. Данный термин наглядно отражает специфику политического дискурса и обозначает различные объединения, предназначенные для выполнения профессиональных задач в сфере политики и государственного управления. В нашем материале можно определить следующие подклассы *политонимов*: названия политических партий ФРГ (*die CDU, die AfD, die SPD, die NPD, die Union, die FDP, die Grüne, die Linke, die Piraten, die Junge Union, die JU, der JU Bayern*), обозначение международных организаций (*die Europäische Union, das Europäische Parlament, die Nato, Rotes Kreuz*); названия общественных движений (*Pegida, Pro Asyl*); наименования учреждений сферы государственно-административного устройства (*die Bundesregierung, die Große Koalition, die Bundesagentur für Arbeit, die Landesregierung, die Bundeswehr, das Bundesfinanzministerium, der Verfassungsschutz, der Deutsche Bundestag, der Landtag, die Bun-*

despolizei, die Landespolizei); наименования реалий других стран (*Front National* — Франция; *die KP, der Volkskongress* — Китай). Некоторые выявленные нами единицы обладают многозначностью, например, политоним *Heimatministerium*. В одном значении он относится к Федеральному министерству внутренних дел Германии (также Федеральное министерство внутренних дел, строительства и родины) — *Bundesministerium des Innern, für Bau und Heimat*. Второе значение связано с обозначением Министерства финансов и внутренних дел Баварии (*Bayerisches Staatsministerium der Finanzen und für Heimat*). В третьем значении политоним именуется Министерство внутренних и коммунальных дел земли Северный Рейн-Вестфалия (*Ministerium für Heimat, Kommunales, Bau und Gleichstellung des Landes Nordrhein-Westfalen*). Опираясь на полевый метод, в подкласс наименований политических партий ФРГ мы включили также обозначения членов данных объединений. При этом часть из них входят в центр поля (*die Christdemokraten, die Christsozialen, die Grünen, die Republikaner, der Sozialdemokrat*), а часть относится к его периферии (*die JUler, die Jusos, die Julis, die AfD-Funktionäre, der SPDler*). На периферии данного микрополя находятся также креативные обозначения коалиционных правительств на федеральном и региональном уровнях (*die GroKo, die Jamaika, Rot-Grün-Rot, die Regenbogenkoalition* и др.), а также полуофициальные (*die Werteunion, Union der Mitte, die Senioren-Union*) и неофициальные наименования (*die Mutterpartei, die Volkspartei, die Klientelpartei*).

Отдельно мы выделили класс *эргонимов*, к которым отнесли наименования предприятий и концернов (*Bosch Werk, der Google, der Amazon, die Peene-Werft, BMW, die Mittelstandsvereinigung*), также реалии других профессиональных дискурсов (*FC Bayern* — спортивный дискурс (название футбольного клуба Баварии)). Таких единиц в нашем материале всего 7, однако эти примеры подчеркивают интердискурсивный характер политической сферы деятельности.

Класс антропонимов составили 108 ЛЕ. В своих выступлениях ораторы неоднократно упоминали имена и фамилии политических и общественных деятелей, прежде всего своей страны (*Konrad Adenauer, Helmut Kohl, Manfred Weber, Lorenz Caffier, Wolfgang Schäuble, Franz Josef Strauß*). Что касается структуры, то обращает на себя внимание употребление диминутивов (*Andi* — Andreas Scheuer; *Basti* — Bastian Schneider) и акронимов (*AKK* — Annegret Kramp-Karrenbauer, *KKK* — Werner Kuhn, Vincent Kokert, Michael

¹ Зд. в значении *Страны Шенгенского соглашения*.

Koch). Встречались также формы фамилярного обращения или упоминания — по имени (*Ilse — Ilse Aigner*), по фамилии (*Scholz — Olaf Scholz; Gauland — Alexander Gauland; Strauß — Franz Josef Strauß*) или формы подчеркнуто вежливого обращения или упоминания (*Herr Schulz — Martin Schulz; Herr Habeck — Robert Habeck*). Анализ показывает, что выступавшие прибегали не только к официальному, но и к разговорному стилю в употреблении антропонимов. Объясняется это спецификой профессионального дискурса и жанра публичного выступления (институциональность, эзотеричность, редукционизм, оценочность и агрессивность), а также особенностью данных политических мероприятий.

Все выявленные имена собственные личные можно условно разделить на прецедентные имена (*Konrad Adenauer, Helmut Kohl, Franz Josef Strauß, Willy Brandt, Ludwig Erhard*), имена политических деятелей национального (*Angela Merkel, Manfred Weber, Christian Lindner, Claudia Roth, Sahra Wagenknecht*) или регионального уровня (*Ilse Aigner, Martin Brück, Christian Doleschal, Ralf Dreischer, Albert Füllacker*), а также имена политических и общественных деятелей других стран (*Sebastian Kurz, Donald Trump, Le Pen, Michelle Obama, Greta Thunberg*). Упоминание прецедентных имен носит символический (и отчасти воспитательный) характер, акцентируя внимание на приверженности политическим традициям и партийному курсу. Обращение к действующим политикам национального и регионального уровня позволяет создавать особую доверительную атмосферу среди участников мероприятия, поднимая статус и значение «своих» и критикуя «чужих», если речь идет о политических оппонентах. Имена деятелей других стран подчеркивают важность и расставляют приоритеты международной проблематики политического курса, в нашем случае консервативных партий ФРГ.

Официонимы составляют следующий по численности класс реалий профессионального политического дискурса (79 ЛЕ) — *der Fraktionsvorsitzende, der Finanzminister, die Bundesjustizministerin, der Landrat, der Umwelt- und Landwirtschaftsminister, die Justizministerin, der Oberbürgermeister, die Kanzlerin* и др. Они обозначают характерный для данной сферы деятельности род занятий и функциональные обязанности, имеют ярко выраженный национальный компонент. Здесь мы имеем в виду прежде всего специфические для Германии обозначения (*der Landrat, die Kanzlerin*), а также гендерную маркированность.

В своих выступлениях ораторы упоминали национальные праздники и их элементы, а также общественно значимые политические, исторические и военные события, которые мы объединили в класс геортонимов (22 ЛЕ) — *Osterwoche, die Deutsche Einheit, Silvester, der kalte Krieg, Karneval, der Zweite Weltkrieg, die Fastnacht, der Rosenmontagsumzug* и др. Специфику мероприятия *Politischer Aschermittwoch* составляет единство с традициями рейнского карнавала (*Karneval*), поэтому в выступлениях встречаются характерные для карнавала обозначения. «Политическая пепельная среда» проводится в последний день этого праздника, накануне Великого поста, и отчасти связана с неписаными правилами, допускающими вольное обращение к «сильным мира сего», в нашем случае — к лидерам своей партии и политическим оппонентам. На юге ФРГ, в частности, в Баварии, этот праздник также отмечается, но называется иначе (*Fasching*), опирается преимущественно на языческие традиции и не имеет политического контекста, поэтому лидеры ХСС (Х. Зеехофер и М. Зёдер) не апеллировали к его национальным особенностям. Некоторые геортонимы содержали наряду с культурным также профессиональный компонент, указывающий на общественно-политическую тематику. Так, упоминая *Silvesternacht* или *Kölner Silvesternacht*, политические деятели имплицитно указывали на конкретные события, ставшие следствием миграционной политики А. Меркель (массовые нападения мигрантов из Северной Африки и арабских стран на немецких женщин в новогоднюю ночь 2016 г. в Кёльне). В выступлениях лидеров Молодежного союза наблюдалась также отсылка к традиционным для немцев детским праздникам (*Martins Laterne, die Martinsumzüge*) или событиям личного характера (*die Hochzeit*) с целью создания доверительной атмосферы, сокращения дистанции между лидерами и рядовыми членами. Все это свидетельствует о ритуальности жанра публичных выступлений и прагматическом характере политического дискурса.

Отдельно мы выделили класс этнонимов (15 ЛЕ), включив туда обозначения этнической группы, нации, национальности, народа, объединенного общей географической или административной территорией. Анализ практического материала допускает их деление на три подкласса: собственно немецкие этнонимы (*die Mecklenburger, die Vorpommerner, die Bayern, die Deutschen*), межрегиональные этнонимы (*die Europäer*) и этнонимы, относящиеся к другим регионам мира (*die Chinesen, die Amerikaner*).

При анализе языкового материала были обнаружены наименования различных документов, что позволило выделить класс *документонимов* (21 ЛЕ). Выявленные единицы можно распределить на два подкласса: документы международного (*der Atomwaffensperrvertrag*) и национального уровня (*der Koalitionsvertrag, der DigitalPakt Schule, das Grundgesetz, das BAföG*). Чаще всего (20 единиц) в своих выступлениях ораторы апеллировали к документам национального уровня, документ международного значения упоминался только в речи А. Крамп-Карренбауер (*der Atomwaffensperrvertrag* — Договор о нераспространении ядерного оружия, участниками которого являются почти все независимые государства за исключением Израиля, Индии, Пакистана, КНДР и Судана). При этом лидер ХДС М. Зёдер отдельно упоминал также Конституцию федеральной земли Бавария (*die bayerische Verfassung, unsere Verfassung*). Считаем, что такой перевес в сторону внутренней политики никоим образом не демонстрирует пренебрежение международной проблематикой со стороны лидеров консервативных партий Германии и обусловлен экстралингвистическими условиями — выступления были ориентированы на соратников и потенциальных избирателей в своей стране. В состав документонимов могут входить также имена других классов, например, топонимы (*Dresdner Erklärung*) или антропонимы (*Hartz IV*). Отметим также, что на примере документонимов явно обнаруживается пересечение политического дискурса с другими подвидами институциональных дискурсов — военного, юридического, экономического, педагогического и др.

Встречаются также наименования некоторых СМИ, объединенные в класс *гемеронимов* (5 ЛЕ). В нашем случае это были печатные надрегиональные издания (*Bild am Sonntag, die BILD-Zeitung, DIE ENTSCHEIDUNG, Die Welt, Die ZEIT*). Отметим, что журнал *DIE ENTSCHEIDUNG* упоминался только в выступлениях лидеров Молодежного союза ХДС/ХСС, поскольку он является печатным органом данной организации. Основная задача журнала — информировать своих членов о принятых политических решениях (отсюда и название издания: от нем. *die Entscheidung* — процесс и результат принятия решения) и разъяснять их.

В текстах выбранных для анализа публичных выступлений были выявлены также два деонима (*der Schulzug, eine Manfred-Wahl*), т. е. имена собственные, перешедшие в разряд апеллятивов. Использование антропонимов не в своей прямой функции отражает современный этап развития немецкого

языка, обусловлено, как правило, экстралингвистическими факторами и, как отмечают немецкие исследователи, проявляется особенно ярко в периоды общественно-политических преобразований [Wengeler 2010]. Отметим, что деонимы обладают ярко выраженной коннотацией, в большинстве случаев негативной [Чигашева 2019]. Их употребление в публичном выступлении свидетельствует, по нашему мнению, о его эмоциональном характере и отражает суггестивную и манипулятивную функции, свойственные преимущественно медийному дискурсу. По мнению В. А. Буряковской, эти две функции направлены на агональное воздействие на участников коммуникации, являются скрытыми, интегрально заложены в коррелирующую функцию массовой коммуникации. Суггестивная функция связана с эмоционализацией, когда информация представляется несколько театрализовано, подается с драматической точки зрения [Буряковская 2014: 19–23]. На примере нашего материала можно сделать вывод о пересечении функций политического и медийного дискурсов. Использование ораторами эмоциональных языковых средств обусловлено целым рядом функций политического дискурса: побудительной, эмотивной, эстетической (по терминологии А. П. Чудинова) [Чудинов 2020]. На эту же особенность политического языка указывают и зарубежные исследователи, приравнивая его функции в том числе к функциям языка рекламы [Nier 2014: 12–13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования лексической системы языка и ее особенностей по-прежнему остаются актуальным научным направлением. В лексике каждый язык накапливает и сохраняет информацию о внеязыковой действительности, релевантной для конкретного языкового сообщества, наименования предметов и явлений которой в другой языковой общности могут не совпадать или отсутствовать. Для преодоления возможных проблем в процессе коммуникации между представителями разных национальностей и случаев социокультурной интерференции необходимо обращаться к фоновой информации. Таким образом, языковые факторы тесно связаны с факторами внеязыковыми. Особый интерес представляет в этой связи изучение особенностей профессиональных дискурсов. Несмотря на идентичные условия профессиональной деятельности, обусловленные на первый взгляд единичными внеязыковыми факторами, ее отражение в каждом языке имеет свои национально-культурные осо-

бенности. Наибольший объем фоновой информации, связанной с национальной и профессиональной спецификой, содержат реалии. На основе обзора теоретической литературы и анализа практического материала относим к реалиям политического дискурса слова и словосочетания, которые, во-первых, обозначают предметы, понятия и явления профессиональной сферы деятельности «политика», релевантны для представителей немецкоязычного сообщества на территории современной ФРГ¹, во-вторых, обладают дифференциальной и/или контекстуальной семой, позволяющей соотносить их с данной профессиональной сферой деятельности.

Изучение теоретической литературы по теме показало отсутствие единой классификации реалий, а также то, что существующие не учитывают всех особенностей профессионального дискурса. На основе анализа практического материала предлагаем классифицировать реалии политического дискурса с позиции ономастики, что позволило нам определить ономастическое пространство политического дискурса и выделить следующие классы: *топонимы, политонимы, антропонимы, официонимы, геортонимы, документонимы, этнонимы, гемеронимы и деонимы*. Большую часть занимают топонимы, политонимы и антропонимы (374 ЛЕ; 71 % от общего количества выявленных реалий). Это может быть обусловлено особенностями дискурса и жанра публичного выступления. По мнению Ю. Хабермаса, политический дискурс представляет собой разновидность прагматического дискурса [Habermas 1991], а В. И. Карасик обращает внимание на его институциональность, т. е. общение в рамках заданных статусно-ролевых отношений [Карасик 2012]. Публичные выступления политических деятелей в рамках полуофициального («политическая пепельная среда») и официального (федеральный съезд) мероприятия отражают основные черты прагматического институционального дискурса. Оратор представляет конкретный социальный институт (политическое объединение), обладает довольно высоким социальным статусом (официально избранный лидер), выстраивает свою речь в соответствии с установленными ситуационно-коммуникативными нормами (выступает на мероприятии политического характера).

¹ В центре внимания данного исследования находится один из трех официально признанных национальных вариантов немецкого языка, функционирующий на территории ФРГ. Не все выявленные единицы релевантны для политического дискурса Австрии и Швейцарии.

Употребление реалий в проанализированных текстах подтверждает ритуальный, информативный, общедоступный (с элементами эзотеричности), редуцированный, оценочный и отчасти агрессивный, по терминологии А. П. Чудинова [Чудинов 2020: 52–71], характер жанра публичного выступления.

Проведенный анализ представляется перспективным и дает основу для дальнейших исследований языкового материала с позиции ономастики в различных подвидах профессионального дискурса, предусматривает возможность дополнения и расширения предложенной классификации. Систематизация реалий в рамках данной типологии возможна также по экстралингвистическим критериям с выделением в каждом классе международного, межрегионального и национального уровней. Особого внимания заслуживает анализ отобранных единиц с точки зрения словообразовательной структуры и терминологии.

ИСТОЧНИКИ

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — 2-е изд., стер. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 571 с. — Текст : непосредственный.
2. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. — Москва : ЭКСМО, 2006. — 669 с. — URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-208.htm#zag-1865> (дата обращения: 23.02.2023). — Текст : электронный.
3. Куликов, Г. И. Немецко-русский иллюстрированный лингвострановедческий словарь / Г. И. Куликов, В. И. Мартиневский, А. И. Ладисов ; под общ. ред. Г. И. Куликова. — Минск : Выш. шк., 2001. — 294 с. — Текст : непосредственный.
4. Мальцева, Д. Г. Германия: страна и язык = Landeskunde durch die Sprache: лингвострановедческий словарь / Д. Г. Мальцева. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : Русские словари [и др.], 2001. — 413 с. — Текст : непосредственный.
5. Маркина, Л. Г. Культура Германии = Kultur Deutschlands: лингвострановедческий словарь : свыше 5000 единиц / Л. Г. Маркина, Е. Н. Муравлева, Н. В. Муравлева ; под общ. ред. Н. В. Муравлевой. — Москва : АСТ [и др.], 2006. — 181 с. — Текст : непосредственный.
6. МАС = Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., исправ. и доп. — Москва : Русский язык, 1983. — Т. 3. — 752 с. — Текст : непосредственный.
7. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — Москва : Астрель-АСТ, 2001. — 624 с. — Текст : непосредственный.
8. Duden-online. Wörterbuch / Bibliographisches Institut GmbH. — URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Haus> (date of access: 25.02.2023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

9. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 341 с. — Текст : непосредственный.
10. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. — Москва : URSS, 2019. — 240 с. — Текст : непосредственный.
11. Брагина, А. А. Лексика языка и культура страны: изучение лексики в лингвострановедческом аспекте / А. А. Брагина. — Москва : Русский язык, 1986. — 152 с. — Текст : непосредственный.
12. Буряковская, В. А. Коммуникативные характеристики массовой культуры в медийном дискурсе (на материале русского и английского языков) / В. А. Буряковская. — Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. — 228 с. — Текст : непосредственный.

13. Влахов, С. Непереваемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — Изд. 4-е. — Москва : Р. Валент, 2009. — 360 с. — Текст : непосредственный.
14. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — Москва : Русский язык, 1980. — 320 с. — Текст : непосредственный.
15. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — 4-е изд. — Москва : Русский язык, 1990. — 246 с. — Текст : непосредственный.
16. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. — Москва : Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с. — Текст : непосредственный.
17. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. М. И. Левиной. — Москва : Прогресс, 1985. — 448 с. — Текст : непосредственный.
18. Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д. О. Добровольский. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1997. — № 6. — С. 37–48.
19. Домашнев, А. И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике / А. И. Домашнев. — Санкт-Петербург : Наука-СПб, 2005. — 1113 с. — Текст : непосредственный.
20. Едличко, А. И. Имя собственное в протестном политическом дискурсе / А. И. Едличко. — Текст : непосредственный // Русская германистика : ежегод. Российского союза германистов. Т. 14. — Москва : Издат. дом ЯСК, 2017. — С. 106–116.
21. Иванов, А. О. Безэквивалентная лексика : учеб. пособие / А. О. Иванов. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 192 с. — Текст : непосредственный.
22. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — Текст : непосредственный.
23. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. — Москва : ЧеРо, 1999. — 136 с. — Текст : непосредственный.
24. Коротчаева, И. Э. Классификация ономастических реалий авиационной и космической тематики / И. Э. Коротчаева. — Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. — 2016. — № 6 (61). — С. 343–346.
25. Меркиш, Н. Е. Особенности осмысления культурного компонента лексики как предпосылка успешной коммуникации с носителем языка / Н. Е. Меркиш. — Текст : непосредственный // Science for Education Today. — 2020. — № 4. — С. 175–188. — DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2004.11>.
26. Морковкин, В. В. Основы теории учебной лексикографии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Морковкин В. В. ; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. — Москва, 1990. — 72 с. — Текст : непосредственный.
27. Мосиенко, Л. В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий / Л. В. Мосиенко. — Текст : электронный // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2005. — № 11. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskaya-problema-klassifikatsii-realiy> (дата обращения: 19.01.2023).
28. Реформатский, А. А. Введение в языковедение : учеб. для вузов / А. А. Реформатский ; под ред. В. А. Виноградова. — Москва : Аспект-Пресс, 2001. — 536 с. — Текст : непосредственный.
29. Сепир, Э. Язык, раса, культура / Э. Сепир. — Текст : непосредственный // Избранные труды по языкознанию и культурологии. — Москва : Прогресс, 1993. — С. 185–194.
30. Сапожникова, Л. М. Национально-культурный компонент в семантической структуре монореферентных собственных имен (на материале немецкого языка) / Л. М. Сапожникова. — Текст : непосредственный // Вопросы ономастики. — 2015. — № 1 (18). — С. 175–185. — DOI: [10.15826/vopr_onom.2015.1.009](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.1.009).
31. Сафонова, В. В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности : дис. ... д-ра пед. наук / Сафонова В. В. ; МГУ им. М. В. Ломоносова. — Москва, 1992. — 672 с. — Текст : непосредственный.
32. Суперанская, А. В. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов. — Москва : URSS, 2019. — 256 с. — Текст : непосредственный.
33. Супрун, А. Е. Лекции по языкознанию / А. Е. Супрун. — Минск : БГУ им. В. И. Ленина, 1971. — 144 с. — Текст : непосредственный.
34. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 288 с. — Текст : непосредственный.
35. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово/Slovo, 2006. — 261 с. — Текст : непосредственный.
36. Толстой, Н. И. Язык и культура / Н. И. Толстой. — Текст : непосредственный // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — Москва : Индрик, 1995. — С. 15–26.
37. Томахин, Г. Д. Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук / Томахин Г. Д. — Москва, 1984. — 486 с. — Текст : непосредственный.
38. Томахин, Г. Д. Реалии в языке и культуре / Г. Д. Томахин. — Текст : непосредственный // Иностранные языки в школе. — 1997. — № 3. — С. 13–18.
39. Халеева, И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) / И. И. Халеева. — Москва : Высшая школа, 1989. — 238 с. — Текст : непосредственный.
40. Чигашева, М. А. Возможность семантической трансформации имен собственных в немецком языке / М. А. Чигашева. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семантика. — 2019. — Т. 10. — № 3. — С. 644–652. — DOI: [10.22363/2313-2299-2019-10-3-644-652](https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-3-644-652).
41. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — 6-е изд., стер. — Москва : Флинта, 2020. — 256 с. — Текст : непосредственный.
42. Шимкевич, Н. В. Эволюция русской политонимии в новейшее время / Н. В. Шимкевич. — Текст : непосредственный // Вопросы ономастики. — 2019. — Т. 16. — № 2. — С. 178–198. — DOI: [10.15826/vopr_onom.2019.16.2.021](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.021).
43. Földes, C. Interkulturalität unter dem Blickwinkel von Semantik und Pragmatik / C. Földes. — Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2014. — 288 S. — Text : unmediated.
44. Habermas, J. Erläuterungen zur Diskursethik / J. Habermas. — 2. Aufl. — Frankfurt a. Main : Suhrkamp Verl., 1991. — 285 p. — Text : unmediated.
45. Kadrić, M. Translatorische Methodik / M. Kadrić, K. Kaindl, M. Cooke. — 5., überarbeitete Auflage. — Wien : Facultas Verlags- und Buchhandels AG, 2012. — 175 S. — Text : unmediated.
46. Koller, W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft / W. Koller, K. B. Henjum. — 9., überarbeitete und aktualisierte Auflage. — Tübingen : Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co: KG, 2020. — 409 S. — Text : unmediated.
47. Kujamäki, P. Übersetzung von Realienbezeichnungen in literarischen Texten / P. Kujamäki. — Text : unmediated // Übersetzung. Translation. Traduction. Ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung. — Berlin : [s.n.], 2004. — S. 920–925.
48. Kutz, W. Zur Auflösung der Nulläquivalenz russischsprachiger Realienbenennungen im Deutschen / W. Kutz. — Text : unmediated // Probleme des übersetzungswissenschaftlichen Textvergleichs. — Leipzig : VEB Verlag Enzyklopädie, 1981. — S. 106–139.
49. Markstein, E. Realia / E/ Markstein. — Text : unmediated // Handbuch Translation. — Tübingen : Narr, 1998. — S. 288–291.
50. Niehr, Th. Einführung in die Politolinguistik / Th. Niehr. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co. KG, 2014. — 191 S. — Text : unmediated.
51. Prunč, E. Einführung in die Translationswissenschaft / E. Prunč. — 2., erweiterte und verbesserte Auflage. — Graz : Institut für Translationswissenschaft, 2002. — Band I. Orientierungsrahmen. — 374 S. — Text : unmediated.
52. Spitzmüller, J. 'Kultur' und 'das Kulturelle': Zur Reflexivität eines begehrten Begriffs / J. Spitzmüller. — Text : unmediated // Zeitschrift für Angewandte Linguistik. — 2017. — 67. — S. 3–23. — DOI: [10.1515/zfal-2017-0016](https://doi.org/10.1515/zfal-2017-0016).

53. Wengeler, M. Schäubleweise, Schröderisierung und riestern. Formen und Funktionen von Ableitungen aus Personennamen im öffentlichen Sprachgebrauch / M. Wengeler. — Text : electronic // Komparatistik Online. — Düsseldorf, Trier. — 2010. — P. 79–98. — URL: <http://www.komparatistik-online.de> (date of access: 19.01.2021).

54. Wierzbicka, A. Cross-cultural communication and miscommunication: the role of cultural keywords / A. Wierzbicka. — Text : unmediated // Intercultural Pragmatics. — 2010. — 7 (1). — P. 1–23. — DOI: 10.1515/ijprg.2010.001.

55. Witte, H. Die Kulturkompetenz des Translators. Begriffliche Grundlegung und Didaktisierung / H. Witte. — Tübingen : Stauffenburg-Verlag, 2000. — 235 S. — Text : unmediated.

MATERIALS

1. Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: URSS: Editorial URSS, 571 p. (In Russ.)

2. Komlev, N. G. (2006). *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow: EKSMO, 669 p. Retrieved Feb. 23, 2023, from <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-208.htm#zag-1865> (In Russ.)

3. Kulikov, G. I., Martinevskiy, V. I., & Ladisov, A. I. (2001). *Nemetsko-russkiy illyustrirovanny lingvostranovedcheskiy slovar'* [German-Russian illustrated linguistic and cultural dictionary]. Minsk: Vysh. shk., 294 p. (In Russ.)

4. Mal'tseva, D. G. (2001). *Germaniya: strana i yazyk = Landeskunde durch die Sprache: lingvostranovedcheskiy slovar'*. Moscow: Russkie slovari, 413 p.

5. Markina, L. G., Muravleva, E. N., & Muravleva, N. V. (2006). *Kul'tura Germanii = Kultur Deutschlands: lingvostranovedcheskiy slovar': svyazhe 5000 edinit*. Moscow: AST, 181 p.

6. Evgen'eva, A. P. (Ed.). *MAS = Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language] (Vol. 3). Moscow: Russkiy yazyk, 752 p. (In Russ.)

7. Rozental', D. E., & Telenkova, M. A. (2001). *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-reference book of linguistic terms]. Moscow: Astrel'-AST, 624 p. (In Russ.)

8. Bibliographisches Institut GmbH (n.d.). *Duden-online. Wörterbuch*. Retrieved Feb. 25, 2023, from <https://www.duden.de/rechtschreibung/Haus>

REFERENCES

9. Arutjunova, N. D. (1988). *Tipy jazykovykh znachenij: ocenka, sobytie, fakt* [Types of Language Values: Assessment, Event, Fact]. Moscow: Nauka, 341 p. (In Russ.)

10. Barhudarov, L. S. (2019). *Jazyk i perevod (Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and Translation (Questions of General and Particular Theory of Translation)]. Moscow: URSS, 240 p. (In Russ.)

11. Bragina, A. A. (1986). *Leksika jazyka i kul'tura strany: izuchenie leksiki v lingvostranovedcheskom aspekte* [Language Vocabulary and Culture of the Country: Study of Vocabulary in the Linguistic and Cultural Aspect]. Moscow: Russkij jazyk, 152 p. (In Russ.)

12. Buryakovskaya, V. A. (2014). *Kommunikativnye kharakteristiki massovoy kul'tury v mediynom diskurse (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov)* [Communicative Characteristics of Mass Culture in Media Discourse (on the Material of Russian and English Languages)]. Volgograd: Peremena, 228 p. (In Russ.)

13. Vlahov, S., & Florin, S. (2009). *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in Translation]. Moscow: R. Valent, 360 p. (In Russ.)

14. Vereshhagin, E. M., & Kostomarov, V. G. (1980). *Lingvostranovedcheskaja teorija slova* [Linguistic Theory of the Word]. Moscow: Russkij jazyk, 320 p. (In Russ.)

15. Vereshhagin, E. M., & Kostomarov, V. G. (1990). *Jazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow: Russkij jazyk, 246 p. (In Russ.)

16. Vinogradov, V. S. (2001). *Vvedenie v perevodovedenie (obshhie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues)]. Moscow: RAO, 224 p. (In Russ.)

17. Gumbol'dt, V. fon. (1985). *Jazyk i filosofija kul'tury* [Language and Philosophy of Culture]. Moscow: Progress, 448 p. (In Russ.)

18. Dobrovol'skij, D. O. (1997). Nacional'no-kul'turnaja specifi-ka vo frazeologii. [National and Cultural Specifics in Phraseology]. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 37–48. (In Russ.)

19. Domashnev, A. I. (2005). *Trudy po germanskomu jazykoznaniju i sociolingvistike* [Issues on Germanic Linguistics and Sociolinguistics]. St. Petersburg: Nauka-SPb, 1113 p. (In Russ.)

20. Edlichko, A. I. (2017). Imja sobstvennoe v protestnom politicheskom diskurse [Proper name in protest political discourse]. In *Russkaja germanistika: Ezhegodnik rossijskogo sojuza germanistov* (Iss. 14, pp. 106–116). (In Russ.)

21. Ivanov, A. O. (2006). *Bezjekvivalentnaja leksika* [Non-equivalent vocabulary]. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 192 p. (In Russ.)

22. Karasik, V. I. (2002). *Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 477 p. (In Russ.)

23. Komissarov, V. N. (1999). *Obshchaya teorija perevoda* [General theory of translation]. Moscow: CheRo, 136 p. (In Russ.)

24. Korotaeva, I. Je. (2016). Klassifikacija onomasticheskikh realij aviacionnoj i kosmicheskogo tematiki [Classification of Onomastic Aviation and Space Realia]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*, 6(61), 343–346. (In Russ.)

25. Merkish, N. E. (2020). Osobennosti osmyslenija kul'turnogo komponenta leksiki kak predposylka uspešnoj kommunikacii s nositelem jazyka [Comprehension of the Cultural Component of Vocabulary as a Precondition for Successful Communication with Native Speakers]. *Science for Education Today*, 4, 175–188. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2004.11> (In Russ.)

26. Morkovkin, V. V. (1990). *Osnovy teorii uchebnoj leksikografii* [Fundamentals of the theory of educational lexicography] [Issue of Doctoral Dissertation]. Moscow: In-t rus. jaz. im. A.S.Pushkina. (In Russ.)

27. Mosienko, L. V. (2005). Lingvokul'turologičeskaja problema klassifikacii realij [Linguoculturological Problem of Classification of Realities]. *Vestnik OGU*, 11. Retrieved Jan. 19, 2021, from <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokul'turologičeskaja-problema-klassifikacii-realij> (In Russ.)

28. Reformatskij, A. A. (2001). *Vvedenie v jazykovedenie* [Introduction to linguistics]. Moscow: Aspekt-Press, 536 p. (In Russ.)

29. Sepir, E. (1993). *Jazyk, rasa, kul'tura* [Language, race, culture]. Moscow: Progress, 185–194. (In Russ.)

30. Sapozhnikova, L. M. (2015). Nacional'no-kul'turnyj komponent v semanticheskoi strukture monoreferentnykh sobstvennykh imen (na materiale nemeckogo jazyka) [The Cultural Component in the Semantic Structure of Monoreferential Proper Names: the Case of the German Language]. *Voprosy onomastiki*, 1(18), 175–185. DOI: 10.15826/vopr_onom.2015.1.009 (In Russ.)

31. Safonova, V. V. (1992). *Sociokul'turnyj podhod k obucheniju inostrannomu jazyku kak special'nosti* [Sociocultural Approach to Teaching a Foreign Language as a Specialty] [Doctoral Dissertation]. Moscow: MGU. (In Russ.)

32. Superanskaja, A. V., Staltmane, V. Je., Podol'skaja, N. V., & Sultanov, A. H. (2019). *Teorija i metodika onomasticheskikh issledovanij* [Theory and Methodology of Onomastic Research]. Moscow: URSS, 256 p. (In Russ.)

33. Suprun, A. E. (1971). *Lekcii po jazykoznaniju* [Linguistics lectures]. Minsk: BGU, 144 p. (In Russ.)

34. Teliya, V. N. (1996). *Russkaja frazeologija: Semanticheskij, pragmatičeskij i lingvokul'turologičeskij aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguistic and Cultural Aspects]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 288 p. (In Russ.)

35. Ter-Minasova, S. G. (2006). *Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Language and Intercultural Communication]. Moscow: Slovo, 261 p. (In Russ.)

36. Tolstoy, N. I. (1995). *Jazyk i kul'tura. Jazyk i narodnaja kul'tura. Očerki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and culture. Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik, 15–26. (In Russ.)

37. Tomahin, G. D. (1984). *Teoreticheskie osnovy lingvostranovedeniya (na materiale leksicheskikh amerikanizmov anglijskogo jazyka)* [Theoretical Foundations of Linguistic and Regional Studies (Based on Lexical Americanisms of the English Language)] [Doctoral Dissertation]. Moscow, 486 p. (In Russ.)

38. Tomahin, G. D. (1997). Realii v jazyke i kul'ture [Realities in Language and Culture]. *Inostrannye jazyki v shkole*, 3, 13–18. (In Russ.)

39. Haleeva, I. I. (1989). *Osnovy teorii obuchenija ponimaniju inojazyčnoj rechi (podgotovka perevodchikov)* [Fundamentals of the Theory of Teaching Understanding of Foreign Language Speech (Training of Translators)]. Moscow: Vysshaja shkola, 238 p. (In Russ.)
40. Chigasheva, M. A. (2019). *Vozmozhnost' semanticheskoi transformacii imen sobstvennyh v nemeckom jazyke* [Possibility of Semantic Transformation of Proper Names in the German language]. *Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*, 10(3), 644–652. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-644-652 (In Russ.)
41. Chudinov, A. P. (2020). *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow: FLINTA, 256 p. (In Russ.)
42. Shimkevich, N. V. (2019). *Jevoljucija ruskoj politonimii v novejshee vremja* [Evolution of Russian Politinymy in Post-Soviet Era]. *Voprosy onomastiki*, 16(2), 178–198. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.021 (In Russ.)
43. Földes, C. (2014). *Interkulturalität unter dem Blickwinkel von Semantik und Pragmatik*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 288 p. (In Germ.)
44. Habermas, J. (1991). *Erläuterungen zur Diskursethik* [Explanations on discourse ethics]. Frankfurt a. Main: Suhrkamp Verl., 285 p. (In Germ.)
45. Kadrić, M., Kaindl, K., & Cooke, M. (2012). *Translatologische Methodik*. Wien: Facultas Verlags- und Buchhandels AG, 175 p. (In Germ.)
46. Koller, W., & Henjum, K. B. (2020). *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co: KG, 409 p. (In Germ.)
47. Kujamäki, P. (2004). *Übersetzung von Realienbezeichnungen in literarischen Texten*. In *Übersetzung. Translation. Translation. Ein internationales Handbuch zur Übersetzungsforschung* (pp. 920–925). Berlin, 920–925. (In Germ.)
48. Kutz, W. (1981). *Zur Auflösung der Nulläquivalenz russischsprachiger Realienbenennungen im Deutschen*. In *Probleme des übersetzungswissenschaftlichen Textvergleichs* (pp. 106–139). Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie. (In Germ.)
49. Markstein, E. (1998). *Realia*. In *Handbuch Translation* (pp. 288–291). Tübingen: Narr. (In Germ.)
50. Niehr, Th. (2014). *Einführung in die Politolinguistik*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co. KG, 191 p. (In Germ.)
51. Prunč, E. (2002). *Einführung in die Translationswissenschaft* (Band I. Orientierungsrahmen). Graz: Institut für Translationswissenschaft, 374 p. (In Germ.)
52. Spitzmüller, J. (2017). 'Kultur' und 'das Kulturelle': Zur Reflexivität eines begehrten Begriffs. *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*, 67, 3–23. DOI: 10.1515/zfal-2017-0016. (In Germ.)
53. Wierzbicka, A. (2010). Cross-cultural communication and miscommunication: the role of cultural keywords. *Intercultural Pragmatics*, 7(1), 1–23. DOI: 10.1515/iprg.2010.001. (In Eng.)
54. Wengeler, M. (2010). *Schäubleweise, Schröderisierung und riestern. Formen und Funktionen von Ableitungen aus Personennamen im öffentlichen Sprachgebrauch*. *Komparatistik Online*. Retrieved Jan. 19, 2021, from <http://www.komparatistik-online.de> (In Germ.)
55. Witte, H. (2000). *Die Kulturkompetenz des Translators. Begriffliche Grundlegung und Didaktisierung*. Tübingen: Stauffenburg-Verlag, 235 p. (In Germ.)